

tabula rasa газета - 2009 - 16 дек. - с. 13.

танцы на грани войны

продолжается рахманиновский абонемент БСО

Илья овчинников

Цикл «Рахманинов. Все фортепианные концерты. Истоки и среда» представляют пианист Олег Майзенберг и дирижер Владимир Федосеев. Рахманиновские концерты помещены здесь в контекст русской музыки: Глинка, Чайковский, Калинников, Мусоргский, Танеев, Скрябин. Самой примечательной программой абонемента может оказаться та, где Второй концерт звучал на фоне рахманиновских же «Симфонических танцев».

Недавно автору этих строк пришлось по просьбе коллеги подводить музыкальные итоги года. Над одним из «разочарований» думать не пришлось: вечная беда московских площадок — репертуарная бедность и несогласованность, из-за чего в том или ином зале вчера и сегодня нередко звучит одно и то же. Вероятность двух равновеликих исполнений опуса игрек исчезающе мала: если даже повезет и через день после Олега Майзенберга выступит Борис Березовский, он едва ли повторит репертуар коллеги. Тезис о репертуарной бедности вроде бы опровергается примером Валентина Сильвестрова, чья музыка сейчас исполняется чаще. Но скорость прогресса так низка, что плюс на минус дает минус. Много зависит и от публики: воспитывать ее надо настойчиво, но осторожно, чтобы десятки слушателей не покидали зал, как во время недавнего исполнения сильвестровского Реквиема.

Воспитанием аудитории из года в год занимается Владимир Федосеев. Если даже у суперзвездного дирижера Михаила Плетнева сезоны открывают проверенные Брамс, Дворжак, Чайковский, то Федосеев составляет программу-открытие без единого симфонического шлягера, — а зал у него полон при любой погоде. Однако подобный риск оправдан лишь при наличии популярных сочинений в постоянном активе. И здесь Федосеев вновь рискует, будто нарочно беря за основу сезона Рахманинова и Бетховена, чьи имена и без него встречаются на афишах чаще любых других. Невероятно трудно услышать музыку словно впервые, отрешившись от привычных ассоциаций. Однако Федосеев предлагает сделать именно это — и в случае успеха впечатление от концерта оказывается абсолютно другим, нежели можно предполагать.

Так и произошло с программой, объединившей культовый Второй концерт с «Симфоническими танцами» — последним сочинением композитора. Казалось, концерт настолько на слуху, что даже исполнение Олега Майзенберга едва ли преподнесет сюрпризы, — зато «Симфонические танцы», неисчерпаемые и загадочные, наверняка окажутся кульминацией цикла. Случилось иначе: во Втором концерте Майзенберг блестяще справился с задачей абонемента, будто забыв о существующих исполнительских традициях. Никакого надрыва: только спокойная, суровая решительность, которой можно достичь лишь

по размышлению зрелом. Особенно свежо прозвучала вторая часть — если мы невольно воспринимаем ее как передышку между хитовыми темами первой и третьей, давно растащенными на теле- и радиоэстафетке, то сейчас именно к ней сходились нити, из которых соткан концерт, именно она стала центром произведения.

Как показали «Симфонические танцы», освобождение от традиции — не всегда благо. Возможно, виноват тот слушательский консерватизм, с которым борется Владимир Федосеев, однако ряда привычных штрихов остро не хватало. Начало сочинения обычно напоминает о приближающемся обвале или землетрясении, но подобное зловещее настроение появилось лишь в середине — первая же часть прозвучала вполне ровно, без нарастания. Куда более убедительным оказался финал, оправдавший наличие «Симфонических танцев» в программе абонемента: написанные накануне войны, они не только закрывают определенную главу в европейской музыке и истории, но и являются шагом в будущее. Это доказал, в частности, Игорь Стравинский — его новаторская «Симфония в трех частях», схожая с рахманиновским опусом, появится несколько лет спустя.

Бороться с консерватизмом публики Владимиру Федосееву помогают Бетховен и Рахманинов Фото: ИТАР-ТАСС